

МЬЯНМА В АСЕАН: ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

За последний год во внутривнутриполитической жизни Мьянмы обозначились новые моменты. В конце 2010 г. выпущена на свободу лидер оппозиции Аун Сан Су Чжи, вступившая в диалог с властями. Судя по действиям высшего государственного руководства во главе с президентом Тейн Сейном, грядут и другие перемены. В сентябре-октябре 2011 г. освобождены 200 политических заключенных. Одновременно ослаблена цензура СМИ. Если в ноябре 2010 г. Национальная Лига за Демократию, возглавляемая Аун Сан Су Чжи, бойкотировала выборы, то после внесения поправок в избирательное законодательство собирается участвовать в дополнительном голосовании. Оно ожидается в скором времени.

Меняется и статус страны на международной арене. В 2014 г. Мьянма будет председательствовать в АСЕАН и примет у себя Восточноазиатский саммит. Эти и другие факты говорят о том, что 60-миллионная страна вступает в новый этап своей истории.

Мы публикуем материалы расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра по теме «Мьянма в АСЕАН: Проблемы региона и интересы России», проведенного ПИР-Центром совместно с Центром АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ 23 марта 2011 г.¹

*В заседании приняли участие доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ Ю. А. **Дубинин**, доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ К. А. **Ефремова**, заместитель директора Российского центра исследований АТЭС, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Союзе Мьянма (1997–2001) Г. А. **Ивашенцов**, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова А. Е. **Кириченко**, доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ Е. В. **Колдунова**, советник Третьего департамента Азии МИД РФ А. М. **Кудряшов**, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ Н. П. **Малетин**, вице-президент Общества дружбы с Республикой Союз Мьянма Д. А. **Малов**, директор Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН Д. В. **Мосяков**, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН А. А. **Симония**, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН В. Ф. **Урляпов**. Ведущие заседания — президент ПИР-Центра В. А. **Орлов**, директор Центра АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ В. В. **Сумский**.*

В. А. ОРЛОВ (ПИР-Центр): Сегодня мы собрались, чтобы поговорить о возможностях Мьянмы, о ее роли в международных делах на ближайшую и среднесроч-

ную перспективу, о возможной новой роли Мьянмы в мировой экономике и в региональных экономических делах АСЕАН, о геополитических особенностях Мьянмы, расположенной на перекрестке стратегических путей из Индии в Китай. Думаю, поговорим о результатах выборов, которые прошли в Мьянме в ноябре 2010 г. Оценим устойчивость этого государства с учетом тех приватизационных процессов, которые там уже произошли и проходят. Обсудим, насколько это государство способно сохранять свою целостность. В Мьянме, между прочим, внимательно изучают югославский опыт, пытаются понять, есть ли риск подобного сценария у них в стране.

В. В. СУМСКИЙ (Центр АСЕАН): Отечественная школа изучения Юго-Восточной Азии, основы которой закладывались более полувека назад усилиями академика А. А. Губера, переживает сегодня трудный момент. Многочисленные аспиранты Губера и их собственные ученики стали маститыми учеными. Сегодня они еще работают, но их все меньше.

Всем, кто занимается в России Юго-Восточной Азией, известно имя В. Ф. Васильева. Всю свою долгую жизнь он посвятил изучению Мьянмы. Прошлой весной он подвел итоги своим изысканиям в книге, озаглавленной *История Мьянмы/Бирмы. XX век*, и вскоре после этого ушел из жизни. В этой крупной работе — основы многих оценок и представлений, которыми мы сегодня обменяемся.

Текущие события неизбежно вносят коррективы в любую предварительно составленную программу. Когда мы объясняли друг другу, почему имеет смысл начать эту серию семинаров с Мьянмы, то говорили о таких вещах, как недостаточная осведомленность широкой аудитории о том, что происходит в этой очень важной стране и вокруг нее. Говорили о давлении стереотипов, о том, что они мешают правильно понять ситуацию до и после выборов, состоявшихся в ноябре 2010 г. О сдвигах, ожидающихся в самой стране и в отношении внешнего мира к ней. О том, что США как будто начинают что-то пересматривать в своей устоявшейся линии в отношении Мьянмы.

Невозможно было представить тогда, да еще и месяц назад, что мы будем все это обсуждать на фоне событий в Ливии [заседание проходило через несколько дней после установления над Ливией бесполетной зоны. — *Прим. ред.*]. На Мьянме уже несколько лет лежит клеймо *форпоста тирании*. В течение долгого времени эта страна третировалась тем же самым образом, каким третировались страны, еще до Ливии подвергшиеся аналогичным мерам воздействия. Поэтому, говоря о международном контексте, в котором вынуждена существовать Мьянма, нельзя не задать вопрос: как быть России, если в центре таких же событий однажды окажется Мьянма? Боюсь, в случае с Ливией не все были готовы к такому вопросу. Конечно, превращать семинар по Мьянме в семинар по Ливии ни к чему, но все же предлагаю держать эти вещи в уме, когда мы будем говорить о внешнеполитических аспектах ситуации в Мьянме.

ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ МЬЯНМЫ

А. Е. КИРИЧЕНКО (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова): Проект государственного строительства, осуществляющийся в Мьянме в течение всего периода независимости, в огромной степени структурирован вокруг строительства ее вооруженных сил. До сих пор он был достаточно успешен с точки зрения локализации гражданских войн и антисистемных движений. На данный момент ситуация в Мьянме наименее острая за последние полвека и даже более. У страны есть сплоченные и на низовом, и на верхнем уровне вооруженные силы.

Уже более двух десятилетий нынешний режим выдерживает внешнее давление и санкции, и делает это довольно спокойно. В последние месяцы он действовал, официально руководствуясь *дорожной картой демократии* — планом, предпола-

гавшим разработку и принятие новой конституции; проведение выборов; формирование парламента и нового правительства. В ближайшее время обновленные органы власти должны приступить к выполнению своих функций.

Что касается вызовов и проблем, то я бы поделил их на *реальные* и *виртуальные*.

Виртуальные — это те проблемы, о которых чаще всего толкуют применительно к Мьянме и которые отражают уровень представлений о ней во внешнем мире. С учетом уже упомянутого примера Ливии, Мьянма не может эти *виртуальные* проблемы игнорировать. Если на нее будут оказывать давление дальше, то давить будут как раз по этим *виртуальным* направлениям. Но это давление обязательно ужесточится, когда *прорвет* какую-то из проблем, которые я называю *реальными*.

В области политики есть *виртуальные* проблемы легитимации и демократизации существующего режима. В более реальной, практической плоскости они сводятся к тому, что Мьянме нужна какая-то модель планомерной сменяемости власти.

За все годы развития страны ни разу не получалось так, чтобы верховный лидер уходил из политики по своей воле. Эта проблема стоит и перед нынешним лидером. Его уход сопряжен с целым рядом рисков. В частности, свое привилегированное положение утратят его ближайшие родственники. Патронажные системы, замкнутые на влиятельных людей, так или иначе кончаются, как только эти влиятельные люди покидают пьедестал.

Мьянме необходимо каким-то образом адаптироваться к электоральной модели. Хотя выборы и прошли, но основная их сложность была, по-моему, не в том, что они были нерепрезентативными и ими манипулировали (в чем пытаются обвинять Мьянму), а в том, что население к проведению выборов было не готово. Я был в Мьянме как раз во время выборов, в ее провинциальных районах, и у меня осталось впечатление, что люди в принципе не понимают, как и зачем голосовать — в том числе люди, которым по 40–50 лет. Это наводит на мысль, что и 20 лет назад они не принимали участия в выборах как реальные политические акторы. Нынешние выборы фактически прошли без денег, а значит, и без того, что именуется сегодня *политическими технологиями*. В сущности, это означает, что реальный масштаб манипуляций электоральным процессом был очень невелик. Если электоральный процесс будет развиваться дальше по общемировым схемам, и если в него будут *вбрасываться* деньги, то значительная часть населения, прежде голосовавшего за власть, спокойно проголосует за ее противников. И дальше власти нужно будет принимать какие-то экстренные (и, скорее всего, неэффективные) контрмеры.

В этой связи в Мьянме необходимо поднимать престиж выбранных политиков. Сейчас парламентарий, занявший свое кресло, потому что его выбрали, не обладает влиянием — он просто выполняет указания, которые ему спускают. Если электоральная модель — это будущее, то эту проблему надо решать.

Нужно решать проблему нахождения политического пространства для оппозиции, потому что внешняя легитимность режима и минимизация рисков виртуальной политики будет зависеть от этого. Также перед страной стоит проблема политического лидерства, особенно актуальная в условиях, когда режим начинает опираться на более открытый и более публичный механизм рекрутирования сторонников. Ярких публичных лидеров в стране сейчас нет, причем ни в официальном, ни в оппозиционном сегментах политического спектра.

Еще одна *реальная* проблема, которая в *виртуальном* истолковании выглядит как межэтнический конфликт, — проблема национального строительства. Внятной национальной идеи и какого-то мифа, который был бы способен объединить все этносы, проживающие в Мьянме, — нет.

Низкий уровень экономического развития выступает препятствием для формирования позитивных ассоциаций у населения с проектами властей. Популярность

достаточно авторитарных режимов в Китае, Вьетнаме и многих других странах жидется на том, что эти страны успешно развиваются. Мьянма, к сожалению, пока этого не достигла. Она вообще отличается от большинства стран социалистической ориентации тем, что там никогда, даже в 1960–1980-е гг., не создавалась публичная инфраструктура, направленная на повышение уровня жизни всех и каждого. Разрыв в уровне жизни отдельных групп населения там был всегда, и в современных условиях он только возрастает.

Еще один блок проблем связан не с политикой, а с человеческим капиталом. Стране нужна более инклюзивная модель социального развития, поскольку в нынешней модели развития каналы вертикальной мобильности очень ограничены. По сути, они замкнуты на вооруженные силы, госаппарат и приближенный к вооруженным силам бизнес.

Еще одна проблема — это проблема комплекса неполноценности, которая у страны есть на всех уровнях. Вытекает она из того, что Мьянма, считающая себя страной с великой культурой и великим прошлым, с экономической точки зрения отстает от соседей. С одной стороны, это отзывается ростом оппозиционных настроений. С другой стороны, власть стремится реализовать различные проекты, поднимающие ее престиж в ее же собственных глазах.

Один из наиболее ярких примеров — строительство новой столицы Нейпидо. Есть разные объяснения тому, почему за это взялись. На мой взгляд, самое реалистичное — стремление построить красивый город, появление которого повысит самооценку власти. Этот город потрясающе интересен именно как выражение психологии и менталитета элит, их представлений о том, что такое роскошь, что такое высокие технологии, их представлений о том, как в идеале должна выглядеть страна, если будет реализован их проект развития. Критическое отношение к политике властей присутствует не только внутри реально обездоленных сегментов населения (которых на самом деле не так уж много). Хуже, что оно ощущается и среди тех, кто должен быть опорой режима. В тех же вооруженных силах далеко не все уверены в том, что строительство новой столицы или всерьез обсуждаемые проекты метро в Нейпидо — это насуточно необходимые вещи. Поэтому, если бы удалось выработать более инклюзивный сценарий развития, в рамках которого решались бы задачи не престижного потребления, а действительного развития страны, — это, конечно, стало бы для Мьянмы серьезным достижением.

Если говорить о перспективах, то возможный ориентир для Мьянмы — Индонезия 1960–1970-х гг. В обоих случаях налицо политические системы с доминированием военных и бюрократии. У вооруженных сил — особый статус в плане освоения бюджетных средств. За их представителями резервируются позиции в законодательных органах всех уровней. Высок процент военных и в органах исполнительной власти. Крупнейшие финансово-промышленные группы складываются под контролем лиц, связанных узлами родства и патронажа с военной верхушкой.

Есть, тем не менее, несколько параметров, которые сильно отличают Мьянму от Индонезии 30-летней давности и делают маловероятным повторение последующего индонезийского пути. Во-первых, старший генерал Тан Шве находится у власти достаточно давно и уже достиг преклонного возраста. Он просто не сможет оставаться у власти столько же времени, сколько оставался у власти Сухарто после обретения ее во второй половине 1960-х гг. Так что эволюция режима, предполагающая постепенное отдаление верховного лидера от вооруженных сил и политику сознательного ослабления их позиций, которой придерживался к концу своего правления Сухарто, в Мьянме маловероятна.

Если военная верхушка Индонезии некогда делала ставку на сотрудничество с Западом, то для многих представителей мьянманского генералитета характерны ксенофобские настроения. Всех иностранцев, практически без разбора, рассматривают как людей, которые стремятся эксплуатировать Мьянму, высасывать

из нее кровь. Поэтому доверия к ним, кем бы они ни были, быть не может. А может быть только очень осторожная политика, которая позволит играть на противоречиях между внешними игроками и добиваться при этом своих целей.

По динамике развития на данном этапе, по всем социальным и экономическим параметрам Мьянма также достаточно сильно отличается от Индонезии конца 1960-х гг. В целом, все это не позволяет предсказывать будущее страны достаточно уверенно. Основная проблема нынешнего режима — не в наличии оппозиции, не в международном давлении, а в том *насколько он сам по себе готов* откликнуться на те вызовы, которые перед страной стоят, и *насколько сам режим готов* решать проблему сменяемости власти.

При всем том имеет место реальная зависимость от внешних партнеров и потребность в них. Это дает России достаточно серьезные шансы в Мьянме, но наши цели и действия должны быть хорошо продуманы. При относительно немногих пересечениях, существующих на данный момент в области экономики и политики, заинтересованность Российской Федерации состоит в том, чтобы Мьянма сохраняла себя как *самостоятельного игрока*, а не превращалась в сателлита той или иной страны. Коль скоро Мьянма заинтересована в консультационной помощи, у России вырисовываются там благоприятные возможности.

А. А. СИМОНЯ (Институт востоковедения РАН): Хотела бы в начале напомнить, что за период с 1962 г., когда к власти в Бирме пришел военный режим Не Вина, и по 1974 г., когда форма правления приняла гражданский облик, в мире произошло 64 военных переворота — в основном в странах Арабского Востока и Тропической Африки, а также в Таиланде, Греции, в странах Латинской Америки. С тех пор до наших дней дожили только два военных режима. Это все та же Ливия, где режим Каддафи утвердился в 1969 г. [на момент проведения заседания — *прим. ред.*], и военный режим Бирмы. Благодаря хорошей режиссуре выборов, прошедших в ноябре прошлого года, он заложил основу для относительно безопасного будущего. Тем более что при выполнении *дорожной карты* перехода к демократии соблюдены почти все требования мирового сообщества. Выборы проведены, Аун Сан Су Чжи теперь на свободе, принята конституция, генералы ушли в отставку, и бразды правления приняли гражданские лица — помимо первых лиц, разумеется. Международные инвесторы, я бы сказала, *толпятся в очереди*, чтобы инвестировать в экономику страны, прежде всего в ее добывающую промышленность.

В. В. Сумский задал вопрос, какова будет наша позиция, если с Мьянмой попробуют вести себя, как с Ливией. Россия уже показала свое отношение к Бирме, когда в 2007 г. фактически спасла ее на Совбезе ООН от санкций, на которых настаивали США. Тогда Россия и Китай впервые воспользовались своим правом вето, причем совместно. Так что я за судьбу Мьянмы и за позицию России спокойна.

Нынешний режим — это военный режим, который существует уже почти полвека. Нынешняя гражданская форма правления ничего нового в политику, в стратегию не вносит. Подобное делалось еще при Не Вине. В 1973 г. также был проведен референдум, была принята конституция, и в 1974 г. отставные генералы составили *гражданское* правительство. И был назначен президент — сначала это был Не Вин, а после 1981 г. его сменил верный человек Сан Ю, и вместе они прослужили до конца 1988 г. Политика в то время определялась лично Не Вином, он тогда возглавлял Партию Бирманской Социалистической программы. По сути и независимо от должности это был единственный лидер, который определял политику. То же повторяется и сейчас.

Теперь перейду к экономике. Как известно, режим Не Вина рухнул в какой-то мере и по экономическим причинам. В 1987 г. ООН включила Бирму в разряд наименее развитых стран мира. Решение начать либерализацию экономики было принято еще при Не Вине. Началом реформ стала отмена государственной монополии

на торговлю основной сельскохозяйственной продукцией, произведенной за год до переворота, в сентябре 1987 г. Для укрепления власти и прежде всего военной мощи новому военному режиму необходимы были финансовые средства. Поскольку коммерческая добыча газа начнется не ранее чем через 10 лет, для срочного получения валюты был только один путь — использовать имеющиеся природные богатства. Поэтому так называемые *экономические реформы* начались с продажи концессий на разработку недр. Был принят закон об иностранных инвестициях, открывший доступ иностранному капиталу в экономику страны. Таким образом, продажа концессий и заключение контрактов на разработку недр смоделировали дальнейший стиль экономических отношений с соседними и дальними странами: эксплуатацию природных ресурсов.

К началу 1990-х гг. экономические реформы в области финансовой и банковской системы, в сфере производства, торговли и услуг, и, разумеется, в сельском хозяйстве и промышленности принесли какие-то плоды, которые были очевидны. И эта серия реформ даже способствовала перестроению экономики страны в духе рыночной ориентации.

Однако к концу 1997 г. (т. е. к моменту, когда Тан Шве находился уже 5 лет у власти, переименовал Госсовет по восстановлению законности и правопорядка в Госсовет мира и развития и почти полностью сменил состав этого органа) стал более заметен возврат к командным методам управления экономикой.

Военному руководству досталась в наследство страна с неэффективным государственным сектором, с огромной внешней задолженностью и почти полным отсутствием валютных резервов. Стремясь переломить ситуацию, режим подчинил министерству обороны наиболее перспективные предприятия госсектора. На их базе были созданы конгломераты, управляемые военными, как отставными, так и находящимися на действительной службе.

В отличие от предыдущего правительства новое руководство не отталкивало от себя предпринимательские круги. Напротив, оно заставило их работать на себя, вовлекая их в политико-экономические альянсы. А новый предпринимательский класс должен был быть лоялен правящему режиму и четко следовать его указаниям. За это военный режим дает нуворишам право использовать природные ресурсы для своего обогащения. Не последнюю роль в процветании бизнеса играют родственные и дружеские связи. В результате возник *военно-олигархический капитализм*.

Структуру экономики Мьянмы в 1988–2010 гг. можно рассматривать как двухуровневую. Верхний уровень базировался на экспорте высокодоходных природных ресурсов — древесины твердых пород, драгоценных и полудрагоценных камней, а затем и природного газа. Главные доходы от экспорта этих товаров доставались правящей военной элите и бизнесменам, близким к руководству страны. Нижний уровень экономики базировался на сельском хозяйстве, мелкой промышленности и услугах, в которых была занята основная часть населения.

Как известно, на рубеже веков Мьянма вошла в число экспортеров энергоресурсов. Быстро развивающиеся экономики соседних стран стали соперничать друг с другом за доступ к ее углеводородам. Наряду с Таиландом, который получает природный газ из Мьянмы с 1998 г., в число импортеров природного газа стремятся попасть Китай и Индия.

Однако доходы от экспорта природного газа мало влияют на официальные данные о финансовом положении государства. В стране существует двойной обменный курс. Есть курс официальный, который не пересматривался 30 лет и при котором один доллар равен шести джа. А есть еще неофициальный. Раньше его называли курсом черного рынка, теперь именуют реальным. Этот курс в отдельные годы доходил до 1350 джа за один доллар. В январе 2011 г. он составил 815 джа. Если рассчитывать поступления от экспорта природного газа по свободному курсу,

то в 2007/2008 финансовом году они могли составить 57% бюджетных поступлений. МВФ рекомендует пересчитывать газовые поступления по курсу свободного рынка для стабилизации в секторе государственных финансов.

Имея столь серьезные внешние поступления (более 4 млрд долл. в год только за продажу газа в Таиланд), руководство Мьянмы не сумело избавиться ее от униженного статуса *беднейшей страны мира*. ООН по-прежнему квалифицирует Мьянму как страну с богатыми и разнообразными природными ресурсами, но имеющую при этом обнищавшее сельское население и страдающую от тотального контроля правительства.

В декабре 2009 г. по приглашению правительства Мьянмы страну посетил крупный американский ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц. На семинаре в Нейпидо он подчеркнул, что нефтегазовые доходы, если их использовать разумно, могут открыть новую эру в развитии национальной экономики. Мьянма, отметил Стиглиц, должна извлечь уроки из негативного опыта и ошибок других наделенных ресурсами стран. В качестве примера он привел африканские страны, где быстрая прибыль от распродажи природных ресурсов не вкладывается в развитие, а используется властвующей элитой для доминирования над обществом. Стиглиц прямо заявил: «Если страна не будет вкладывать богатства, извлеченные из-под земли, на ее поверхности, она не достигнет роста экономики».

Таким образом, если не изменится политика распределения государственных финансов и общий стиль управления страной, то Мьянма может пополнить число стран, над которыми тяготеет так называемое *проклятие природных ресурсов*. В это сложно поверить, но нефть, природный газ, драгоценные камни, золото, редкоземельные металлы, цветные металлы плохо влияют на здоровье экономики страны. Мьянма вывозит все перечисленные ресурсы (кроме, пока еще, нефти). Экономический рост поддерживается за счет добычи и вывоза природного газа, но эта отрасль не способствует увеличению числа рабочих мест. Экспорт природных ресурсов обеспечивает до 80% государственных доходов, в то время как большая часть населения (70%) занята в сельском хозяйстве. Это усиливает экономическое неравенство.

Стиглиц также отметил, что страны подобного типа, как правило, больны коррупцией. Коррупция плюс нежелание правительства уделять внимание потребностям населения делают борьбу с *проклятием* невероятно сложной. Обладая возможностью по своему усмотрению распоряжаться огромными финансовыми ресурсами, правительства таких стран неизбежно становятся очень коррумпированными. Однажды получив власть, они уже не хотят от нее отказываться. Согласно статистическим данным, правительства богатых углеводородами стран тратят в 10 раз больше средств на военные цели, чем страны, не имеющие таких ресурсов.

В феврале 2011 г. был принят новый бюджет на 2011/2012 финансовый год. Цифры говорят о том, что новое военно-гражданское правительство сохранит приоритет военной безопасности. Министерству обороны выделяется 20%. Для сравнения, на образование — 4,5%, на здравоохранение — 1,31%, на социальные услуги — 0,26%. Правда, есть мнение, что раньше на министерство обороны выделялось 40%, а теперь наполовину меньше. Но, как известно, сейчас создан внебюджетный государственный фонд для военных расходов, распоряжаться которым будет исключительно главнокомандующий армии.

Сейчас на долю Мьянмы приходится примерно полпроцента мировых поставок газа, но в ближайшие годы ожидается значительный рост объема экспорта и в Таиланд, и в Китай. Южная Корея предлагает построить в Мьянме завод по сжижению природного газа, чтобы также войти в число импортеров. К 2012 г. в Мьянме будет реализован известный проект Шве. Будет построено два параллельных трубопровода. Газопровод, по которому будет доставляться газ из Бенгальского залива

в Китай, и рядом нефтепровод, по которому будет транспортироваться ближневосточная и африканская нефть. Нефть будет поступать в глубоководный порт, который строит Китай, и затем по трубопроводу в КНР. И там же строится железная дорога, по которой будут транспортироваться товары из Китая в порт и дальше по всему миру.

Это все принесет новый доход и за поставки природного газа, и за транзит. Есть и другие грандиозные проекты. На берегу Бенгальского залива планируется создать особую промышленную зону, тогда как на побережье Андаманского моря будет особая экономическая зона, похожая на китайский Шеньжень. Старший генерал Тан Шве посетил его в прошлом году, и этот район КНР произвел на него большое впечатление.

В заключение отмечу, что военному режиму удалось не только удержать власть, но и заложить фундамент для безбедного существования в будущем. Власть, остающаяся в руках старшего генерала Тан Шве, будет опираться на *трех китов*: армию, партию власти (Союзную партию солидарности и развития) и клан олигархов, созданный по принципу родства и кумовства, который приватизировал государственную собственность и ресурсы.

Е. В. КОЛДУНОВА (Кафедра востоковедения МГИМО (У) МИД РФ): Аида Алексеевна, цитируя Стиглица, отметила неудачные примеры использования нефтегазового бремени, ресурсов. Но на сегодняшний день есть более удачные примеры — скажем, Азербайджан и Казахстан, где созданы государства-рантье, которые распределяют часть ресурсов, не замыкая их только на элиты. Я понимаю, что сейчас в краткосрочной перспективе создание такого государства в Мьянме невозможно. Но есть ли на уровне политической или политико-экономической элиты какие-то национальные проекты, которые в идейном плане закладывают основы будущего развития?

А. А. СИМОНИЯ: Многие эксперты из международных организаций советуют Мьянме создать фонды по распределению доходов от продажи углеводородов. Разумеется, Мьянме не подходит такой вариант, как в Норвегии, но вот вариант Азербайджана вполне мог бы работать. Но, насколько мне известно, пока таких планов в Мьянме нет.

В. Ф. УРЛЯПОВ (Институт востоковедения РАН): Насколько я понял, те доходы, которые правящий режим получает от добычи и экспорта природного газа, по сути дела, *проедаются* им же самим. То есть за счет этих средств подкармливаются армия, госаппарат, нарождающийся класс крупных предпринимателей из оставших военных и их родственников. На эти же средства строится новая столица. Вопрос: кто же добывает природный газ на шельфе?

А. Е. КИРИЧЕНКО: Природный газ добывают консорциумы. В основном это китайские, корейские, индийские компании.

Если же говорить о расходах, то первое, что было осуществлено на эти деньги — расширение и перевооружение армии. Это потребовало огромных средств. Второе — это строительство столицы там, где прежде не было ничего. Третье — это проекты инфраструктурного развития, которые движутся очень активно, в основном в областях коммуникаций, гидроэлектроэнергетики, электроэнергетики в целом. К сожалению, не все они работают с полной отдачей, с полной эффективностью. Одна из самых удачных шуток одного бирманского комика, находящегося сейчас в тюрьме, звучит так: «Если взяться за официальную бирманскую газету, то можно получить удар током — так много там репортажей о построенных линиях электропередач. Если же взяться за линию электропередач, то, скорее всего, ничего не произойдет, потому что они не работают». Большой процент сбоев, ошибок, неудачных решений в связи с тем, что человеческий капитал и умение работать с высокими технологиями находятся не на уровне.

Что касается оседания средств на счетах, это трудный вопрос. Это не совсем *проедание*. Это проект госстроительства в том виде, как его понимают в Мьянме. Проект подразумевает, что военные — это та ведущая сила, которая способна решать задачи во всех сферах. Население же само по себе пассивно и не способно эти задачи решать. Поэтому перераспределительный проект, который бы решал социальные задачи в пользу населения, не реалистичен. Он противоречит политическим целям, как их видит руководство. И он противоречит мировоззренческой позиции обычного влиятельного человека, который думает, что богатым бывает только тот, кто заслужил это в прошлых рожденьях. Если ты сейчас бедный, то ты бедным, скорее всего, и должен остаться.

В. Ф. УРЛЯПОВ: В связи с перспективами развития Мьянмы упомянут индонезийский пример. Говорили об отличиях — о ксенофобии, косности, может быть, даже ограниченности мышления как характерных особенностях мьянманского режима. Не создается ли такое впечатление, что до последних выборов он держался не за счет репрессий, подавления, а за счет *дремучести* населения, которая культивировалась? Страну как бы законсервировали, а выборы, конституция, якобы либеральные реформы — не более чем подобие новой этикетки, приклеенной к старой консервной банке?

А. Е. КИРИЧЕНКО: Вы знаете, наклеивание этикетки — это то, в чем обвиняют Мьянму ее критики. Безусловно, выборы решают некоторые внешние задачи, они нужны, чтобы сделать режим более легитимным, но там есть более сложные, более серьезные проблемы. Процесс подготовки и проведения выборов создаст предпосылки передачи властных полномочий преемникам нынешних руководителей, и вертикальная мобильность внутри режима предстает как не совсем невероятная вещь. При этом первое лицо режима на протяжении последних 19 лет остается одним и тем же. На этом человеке уже поставили массу клейм, но, по-моему, ни одно из них не заслужено. *Кровавый тиран, мастер психологической борьбы*, чего только ему не приписывают. На самом деле старший генерал Тан Шве — лидер отнюдь не харизматического типа, постоянно решающий сложнейшую задачу удержания власти и поддержания внутренней сплоченности бирманского генералитета. Выборы — одно из средств, с помощью которых он эту задачу решает.

А. М. КУДРЯШОВ (Третий департамент Азии МИД России): Вооруженные силы Мьянмы действительно позиционируют себя вовне как сплоченный цех и структура, но на самом деле внутри происходят совершенно разные процессы. Существуют трения, существуют противоречия. Одно дело генералитет, который получает те самые доходы или часть доходов от экспорта энергоносителей и всего остального. Совсем другое — простые офицеры, несущие ежедневную службу. Их большинство. И когда Тан Шве отдал те 25% мест, которые отныне положены армии в законодательных структурах (как в союзном парламенте, так и в законодательных собраниях провинциального уровня) главным образом майорам и капитанам, это сняло часть внутренних противоречий в армии. В этой квоте фигурирует лишь один генерал и два полковника, а всего там около 400 человек.

Второй момент. Действительно, между Тан Шве и его заместителем по государственной части и вооруженным силам, вице-старшим генералом Маунг Эем существуют трения, но существует и договоренность эти трения вовне не выносить. Потому что генералы понимают: если эти трения будут вынесены вовне, это будет элемент слабости, и тем самым они создадут угрозу себе, своему режиму и своему благополучию.

Третье. Понятно, что и генеральская среда не однородна. Вспомните эпизод с арестом генерала Кхин Ньюта. На Западе в нем видели прогрессивно мыслящего человека, входящего в круг высших руководителей. Когда он стал противопоставлять себя и свои интересы остальной верхушке, начался политический конфликт, и было принято решение убрать его с политической арены. С тех пор он тихо сидит

под домашним арестом, и никто про него не вспоминает. Но не забыта важность диалога с нацменьшинствами, который вел Кхин Ньют, и характерно, что этот диалог сейчас пытаются реанимировать, продолжить поиск формулы примирения с вооруженными формированиями, которые есть у нацменьшинств.

Наконец, по поводу преемственности власти. В Мьянме нет соответствующей традиции, но сейчас, скорее всего, будут пробовать китайскую модель, когда к власти приводят политиков второго эшелона, преданных нынешним первым лицам — таких, например, как бывший начальник генерального штаба Тура Шве Ман. Сами же первые лица, скорее всего, отойдут за кулисы политической жизни, но продолжают оттуда на нее влиять. И вот эти механизмы влияния сейчас, по-видимому, отрабатываются.

РОЛЬ МЬЯНМЫ В РЕГИОНЕ

К. А. ЕФРЕМОВА (кафедра востоковедения МГИМО (У) МИД России): Мне бы хотелось сразу поддержать два тезиса, выдвинутые коллегами. Основные проблемы, стоящие сейчас перед страной, — это национальное строительство и преемственность власти. Именно эти проблемы определяют ситуацию вокруг Мьянмы в регионе. Проблема национального строительства преследует ее с момента основания независимого государства в 1948 г. И эта же проблема является одним из основных раздражителей в отношениях Мьянмы с соседними государствами, в том числе с сопредельными Таиландом, Китаем и Индией.

При этом Мьянме уделяется недостаточно внимания с учетом ее колоссальной значимости для региона. Это не просто вторая по величине страна ЮВА с большим населением и значительными природными ресурсами. Это и своего рода континентальный мост между тремя регионами — Юго-Восточной, Южной и Восточной Азией. В последние 20 лет, вопреки множеству противопоказаний, там активно развивается приграничная торговля, реализуются крупные инфраструктурные проекты с участием Китая и Индии, строятся горные шоссе, трубопроводы, нефтепроводы и т. д.

Исключительную важность имеет геостратегическое положение Мьянмы. Присутствие там позволяет Китаю гарантировать не только свои экономические интересы (в частности бесперебойные поставки нефти из Персидского залива и Северной Африки). Тесное сотрудничество с мьянманскими военными (в частности в области радиолокации) открывает Китаю возможность контроля над ситуацией в Бенгальском заливе и мягкого сдерживания Индии, что, безусловно, не может не тревожить последнюю. Таким образом, Мьянма оказывается на острие противоречий, разделяющих две крупнейшие азиатские державы. И от нее, парадоксальным образом, в немалой степени зависит, как будут решаться эти противоречия — через конфликт или в духе компромисса и сотрудничества.

Суть дела в том, что Мьянма — типичное *буферное государство*, расположенное между двумя державами-гигантами и вынужденное реагировать на инициативы, исходящие от них. И у нас, и за рубежом сближение Бирмы с Китаем, начавшееся в конце 1980-х гг., считалось следствием высокой заинтересованности бирманской стороны. Такие представления во многом иллюзорны. На мой взгляд, сближение тогда еще Бирмы с Китаем было обусловлено скорее той жесткой позицией, которую заняла Индия в связи с подавлением восстания 8 августа 1988 г. в Бирме. Известно, что Раджив Ганди был другом детства Аун Сан Су Чжи, они вместе воспитывались, когда мать Су Чжи была послом Бирмы в Индии. Жесткая реакция, которая последовала со стороны Индии на подавление этого восстания, в какой-то степени вынудила Госсовет, пришедший к власти в сентябре 1988 г., позитивно откликнуться на китайские инициативы. И, конечно, та зависимость от Китая, которая наблюдается сегодня, довольно сильно тяготит руководство Мьянмы. Отсюда

и стремление нормализовать отношения с Индией. Оно особенно заметно после опалы прокитайски настроенного Кхин Ньюна.

В свете этих проблем и надо рассматривать сближение Мьянмы с АСЕАН, а затем и ее вступление в Ассоциацию. Известно, что страны АСЕАН придерживаются принципа нейтральности и региональной сопротивляемости, т. е. пытаются уравновесить интересы внерегиональных держав, каждая из которых намного мощнее, чем эти государства взятые по отдельности. Благодаря подобной позиции странам АСЕАН отчасти удается поддерживать баланс сил в регионе. С точки зрения АСЕАН, задачи вовлечения Бирмы в их круг определялись этой потребностью сохранить региональное равновесие, в частности, между Индией и Китаем.

Несколько слов о ливийском сценарии. На мой взгляд, такой сценарий маловероятен, хотя параллели как будто напрашиваются. Все-таки Мьянма — не страна, где голодное население, пострадавшее от 20-летних санкций, было бы готово, опираясь на поддержку из-за рубежа, свергнуть собственное правительство при первом удобном случае. Мне кажется, это совсем не тот вариант. Китай с его геостратегическими интересами просто не позволит такой ситуации сложиться. Слишком много денег вложено, слишком много зависит от Мьянмы с точки зрения обеспечения национальной безопасности Китая, включая ее энергетическую составляющую. И потом, вести войну в джунглях с подготовленной армией, с одной из сильнейших армий в регионе, закаленной десятилетиями пограничных войн — задача не из простых. И дело, наверное, даже не во вьетнамском синдроме, а в том, что потенциальные агрессоры вряд ли захотят обострять ситуацию, которая может иметь глобальные последствия.

В. Ф. УРЛЯПОВ: Хотел бы напомнить историю принятия Мьянмы в состав АСЕАН. Это был 1997 г., когда разразился азиатский валютно-финансовый кризис. Как раз накануне этого кризиса в торжественной обстановке Мьянму приняли в АСЕАН в новой малайзийской столице Путраджае, при участии тогдашнего премьера Малайзии Махатхира Мохамада. Надо сказать, что Мьянма практически безболезненно, без проблем вошла в состав этой организации. Сомнения испытывали разве что Филиппины — у них были какие-то соображения по поводу нарушения демократических прав и свобод. Все остальные были настроены вполне лояльно, в том числе и такая демократическая страна, как Сингапур. Он, к слову сказать, поставлял военному режиму противопехотные мины. Но главным спонсором выступала Малайзия. Мотивировка была двоякая. *Во-первых*, полагалось создать группировку стран, охватывающую весь регион, создать как бы единую семью народов ЮВА и тем самым воплотить в жизнь идеи, завещанные отцами-основателями современных независимых государств. *Во-вторых*, созрело намерение использовать расширение АСЕАН в чисто прагматических, утилитарных целях: и в Куала-Лумпуре, и в Сингапуре смотрели на четверку стран Индокитая как на новый перспективный рынок сбыта. Считали, что надо ковать железо пока горячо, не обращая внимания на то, что эти режимы являются коммунистическими или, применительно к Мьянме, нейтральными. Главное, надо было застолбить позиции на севере Индокитая, в стратегически важном районе, прилегающем и к Китаю, и к Индии.

Конечно, прием Мьянмы принес АСЕАН и головную боль, которая не проходит до сих пор. Какие только средства уже не испробованы для лечения этого недуга. Выдвигались в разных вариантах концепции *конструктивной интервенции*. Однако в АСЕАН не нашлось достаточно активных и последовательных сторонников этих концепций. Более того, новые члены Ассоциации, и прежде всего Вьетнам, выступили категорически против них, что нашло свое отражение в новом уставе АСЕАН. Не принесла ощутимых плодов и установка на постепенное смягчение режима через тесное взаимодействие с ним, с учетом того, что формальное согласие на либеральные реформы военный режим все же дал. Как бы ни хотелось партнерам по АСЕАН подтолкнуть эти реформы, они прекрасно знали специфику этого

режима, азиатскую специфику, и не решались форсировать соответствующие процессы. Тем более что не в традициях АСЕАН поощрять стремления к каким бы то ни было радикальным реформам.

Надо сказать, что на тесное взаимодействие с Мьянмой ориентировались многие страны региона, особенно Малайзия при Махатхире. Он ездил к мьянманским генералам, уговаривал, пытался встретиться с Су Чжи. Ему было отказано, он обиделся и даже заявил, что есть даже возможность исключить Мьянму из АСЕАН. Но это было сделано на публику, и ничего подобного Махатхир впоследствии уже не говорил.

Интересный эксперимент был проведен в малазийском парламенте. После того как Махатхир заявил, что генералов можно изгнать из состава АСЕАН, тут же была создана группа депутатов парламента и от правящей коалиции и от оппозиции, которая подняла вопрос о защите прав человека в Мьянме. Они пошумели, пошумели и быстро успокоились. Что-то подобное было организовано и в филиппинском парламенте. Но все это было нужно, чтобы продемонстрировать Западу — США и ЕС как наиболее ярким сторонникам санкций против Мьянмы — что и в странах АСЕАН, и, конкретно, в Малайзии, видят эту проблему, откликаются на нее, не мешают народным избранникам и местной общественности выражать отношение к ней.

С другой стороны, обсуждая проблему Мьянмы с теми же американцами, представители АСЕАН стояли на том, что скоропалительные реформы в Мьянме будут контрпродуктивными. Западу объясняли, что своей позицией он сам толкает страну в китайские объятия. И если уж американцам не нравится рост военного, политического и экономического могущества Китая в АТР, то и политику в отношении Мьянмы надо бы подправить. По всей видимости, администрация Обамы прислушалась к мнению партнеров по АСЕАН. Не так давно в Мьянме побывал заместитель госсекретаря США по делам Азии и Тихого океана, встретившийся с высшими военными (в том числе и со старшим генералом Тан Шве).

7 ноября прошли выборы. Вы, наверное, знаете, как Барак Обама и Хиллари Клинтон отреагировали на них — назвали голосование фарсом, заявили, что генералы обманули народ на глазах у всего человечества. Но тут же возвысил голос представитель Вьетнама — страны, председательствовавшей в 2010 г. в АСЕАН. Он заявил, что АСЕАН приветствует выборы как новый шаг в выполнении *дорожной карты*, составленной ради продвижения народа Мьянмы к демократии.

Опять между Западом и АСЕАН не получается общей, согласованной позиции. Время покажет, как будут развиваться события. Но мне кажется, что на ближайшую перспективу отношение стран АСЕАН к проблеме Мьянмы в корне не изменится. Страны АСЕАН будут продолжать прежнюю политику, тем более что наблюдается определенное перерождение правящей военной верхушки в финансово-экономическую олигархию. Военные сняли мундиры и переоделись в костюмы банкиров, предпринимателей, биржевых дельцов. Это тот самый путь, к которому страны АСЕАН всегда подталкивали Мьянму. Вопрос в том, как быстро будут идти соответствующие процессы.

Н. П. МАЛЕТИН (кафедра востоковедения МГИМО (У) МИД России): Мьянманский вопрос — это одновременно и внутриасеановский вопрос, и вопрос взаимоотношений АСЕАН со странами Запада, с Китаем, вопрос отношений между Китаем и Западом. Одним словом, исключительно многогранный вопрос. Упор в его рассмотрении переносится то на одни, то на другие аспекты. Если брать саму историю приема Мьянмы в АСЕАН, то надо подчеркнуть роль таких стран, как Индонезия и Малайзия, поскольку их лидеры заявляли, что к концу XX в. все страны ЮВА должны быть членами АСЕАН. Для них это был вопрос престижа, вопрос программы. Вполне естественно, что в этом случае страны АСЕАН сознательно абстрагировались от мнений США и Запада в целом.

С другой стороны, что было делать странам АСЕАН летом 1997 г., когда из-за внутривосточного кризиса в Камбодже пришлось откладывать ее прием? Откажитесь в этой ситуации принимать еще и Мьянму, и кого останется принимать? Один Лаос. С учетом этих обстоятельств, прием Мьянмы в АСЕАН именно в тот момент был компромиссом. Да и американцы через Мадлен Олбрайт все же дали добро, имея в виду, что страны АСЕАН, приняв Мьянму в состав организации, вплотную займутся ее перевоспитанием. А те обещали, что поработают в этом направлении, хотя прекрасно понимали, что вряд ли это получится. Ведь энергичное вмешательство во внутренние дела одного из членов не просто противоречило принципам Ассоциации, но грозило обострениями двусторонних противоречий между другими членами АСЕАН.

Естественно, в этих условиях страны АСЕАН надеялись, что давление со стороны Запада в какой-то степени ослабнет. На практике все получилось иначе. Проблема Мьянмы постоянно вызывала трения между Соединенными Штатами и странами АСЕАН. Можно было бы сказать, что с задачей перевоспитания Мьянмы они не справились. Но мне кажется, что они такой великой задачи себе и не ставили. Да и Мьянма имеет возможность противиться перевоспитанию, опираясь на Китай и китайскую поддержку. Это создает проблему в отношениях Мьянмы с другими странами АСЕАН, поскольку там сейчас — наиболее осязаемая точка китайского присутствия в ЮВА. Если говорить о том, могут ли сами страны АСЕАН усилить давление на Мьянму (как, например, поступили по отношению к Ливии некоторые арабские и африканские страны), то это, пожалуй, нереально. Угроза исключения Мьянмы из АСЕАН — прежде всего средство пропагандистского давления на нее.

Ю. А. ДУБИНИН (кафедра международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России): В последнее время в рамках такого форума, как Азиатско-тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности (АТССБ) наши филиппинские коллеги ставят вопрос о необходимости внесения в повестку дня понятия *responsibility to protect* — обязанности защищать гуманитарные права населения. Воплощение этого принципа в жизнь мы наблюдаем сегодня на ливийской сцене. В связи с этим такой вопрос: с одной стороны, есть АСЕАН с ее принципами невмешательства, с другой стороны — АТССБ, обсуждающий такие вот идеи. Как все это может повлиять на ситуацию в самой АСЕАН, на ситуацию вокруг Мьянмы?

К. А. ЕФРЕМОВА: Н.П. Малетин сказал, что АСЕАН не добилась результатов в перевоспитании Мьянмы, да и не настаивала на таких результатах. Что это была скорее дань западному давлению, желанию понравится США и ЕС, своим крупнейшим торговым партнерам, чем внутренняя потребность самой Ассоциации.

Но ведь идея перевоспитания Мьянмы, идея гуманитарного вмешательства, все разговоры о национальном примирении, которые ведутся в рамках АСЕАН уже полтора десятилетия, все эти побуждения генералитета к диалогу с оппозицией в лице Аун Сан Су Чжи, с различными этническими группировками — все они имеют и существенный внутренний момент. Дело в том, что проекты, о которых мы говорили — по добыче углеводородов, по строительству электростанций и т.д. — реализуются в тех самых проблемных районах, которые населены нацменьшинствами, многие годы ведущими вооруженную борьбу. И те, кто вкладывает деньги в эти проекты, хотели бы, чтобы правительство Мьянмы обеспечивало политическую стабильность в этих районах. Чтобы повстанцы не взрывали нефтепроводы, чтобы не возникало даже предлога для вмешательства третьих стран, которых обделили при раздаче местного пирога. Ведь были вынуждены уйти и *Юнокал*, и *Тоталь*, и многие другие западные компании, после того как эмигрантское мьянманское лобби в США и странах Европы стало оказывать давление на эти правительства с тем, чтобы они распространили режим санкций не только на генералов, но и на корпорации, сотрудничающие с ними. Потом, кстати, все эти позиции

перешли тем же тайландцам, малазийцам, индийцам, корейцам, китайцам и т. д., которых вначале там не было.

Задача стабилизировать ситуацию, добиться национального примирения, гарантировать безопасность своих инвестиций осознается в АСЕАН очень хорошо (хотя, возможно, и не афишируется). Призывы к национальному примирению и соблюдению прав человека надо воспринимать, в том числе, и в этом ключе.

И еще один момент. Уже затрагивалась проблема дисбаланса в распределении тех средств, которые национальная экономика теоретически должна бы получать от экспорта природных ресурсов. Дело в том, что, с одной стороны, Мьянма представляет собой потенциально достаточно большой рынок. С другой стороны, существует возможность переносить туда производства по модели *гусиной стаи*, как в свое время сделала Япония со странами АСЕАН, и как сейчас, наверное, хотели бы делать сами страны АСЕАН в отношении Мьянмы и стран Индокитая, в силу дешевизны рабочей силы и по другим соображениям. А для этого нужно развивать внутренний рынок, нужно бороться с бедностью, нужно что-то отдавать народу. В Китае это хорошо поняли, во Вьетнаме поняли, а в Мьянме этого, получается, не нужно, генералов и так все устраивает, у них нет мотивации. И для того чтобы как-то эту ситуацию сдвинуть с мертвой точки, АСЕАН приходится какие-то шаги предпринимать.

А вот что касается тезиса Николая Павловича относительно того, что АСЕАН ничего не добились, хочу возразить. На самом деле они добились очень многого. Сама идея *дорожной карты*, которую в августе 2003 г. выдвинул Кхин Ньун, была, по сути, ответом на непрерывное мягкое давление со стороны АСЕАН на протяжении 5–6 лет. Вспомним, что национальная конвенция, которую в 1993 г. собрали, а в 1996 г. распустили, никакого проекта конституции не выдвинула. И с 1996 г. правительство прекрасно себя чувствовало без конституции, и никакого желания созывать конвенцию вторично не возникало. Я считаю, это заслуга АСЕАН, что мы сейчас видим в Мьянме условно гражданское, конституционное правительство, видим парламент и некие атрибуты демократии. Не исключаю, что в будущем страны АСЕАН добьются и большего, ибо мотивация у них есть.

Д. В. МОСЯКОВ (Институт востоковедения РАН): Буквально несколько комментариев с учетом того фактора Китая, о котором никак нельзя забывать.

Мьянма — поистине уникальное полиэтничное государство. Вопрос о том, насколько центральная власть способна контролировать все происходящее на территории в 648 тыс. км², исключительно важен, особенно применительно к ситуации на границе с Китаем. Судя по сообщениям очевидцев, контроль над ней командование вооруженных сил Мьянмы фактически потеряло. Через границу идет мощный поток контрабанды. Местное население фактически торгует не на джа, а на юани, влияние китайцев огромно. После ослабления прокитайской группы в руководстве Мьянмы была развернута большая военная кампания, и войска попытались вновь взять границу под контроль. В ответ заместитель начальника китайского Генштаба приехал на границу с Мьянмой и потребовал немедленно прекратить все эти операции под тем предлогом, что на китайскую территорию двинулись беженцы.

Другой очень важный вопрос. Мы говорили о том, какие деньги Мьянма получает от экспорта газа. Но мы совершенно не говорили о роли и влиянии китайских кредитов, выручающих Мьянму в критические моменты. Именно эти кредиты, несмотря на всю сложность двусторонних отношений, позволили Китаю добиться соглашения по поводу газового месторождения с Тан Шве, по поводу газопроводов и нефтепроводов. Ведь те трубопроводы, которые скоро пересекут Мьянму, строят в основном китайцы. И когда руководство страны увидело, какие преференции получает Китай в плане выхода в Бенгальский залив, а также перекачки нефти и газа в Юннань, минуя Малаккский пролив, это их очень насторожило.

И смена, произошедшая в мьянманском руководстве, в значительной степени была связана с китайским фактором. Тем более что сохраняют свою силу и уроки истории: в Мьянме не забывают, что было со страной, когда монголы практически ее завоевали.

Сегодня для Китая экспансия в направлении Мьянмы — это предприятие не странового, а совсем другого уровня. Фактически речь идет о расширении поля геополитического влияния. В АСЕАН, которая реально сталкивается с китайскими притязаниями по Южно-Китайскому морю (если не по всей границе ЮВА и Китая), это ощущается как реальная угроза. И с этой точки зрения Мьянма сегодня — не просто буфер, эта страна становится ключевой с точки зрения китайской экспансии в южном направлении. Поэтому Индия так меняет свою позицию, смотрит на политическую ситуацию без нарочитого формализма, понимает реальную роль армии как социальной организации, роль военных как людей, вышедших в основном из крестьян, из бедноты. Людей, объединенных социальным происхождением, приобщением к военному делу и боевым опытом. Это не просто армия, которая берет власть путем военного переворота, принимает конституцию, потом передает дела гражданским. Это особый социальный институт в особой стране, которой бросают вызовы серьезные внешние силы.

Только учитывая все это в комплексе, можно понять, почему страны АСЕАН защищают мьянманский режим, говорят, что это член их семьи, что в семье бывают хорошие дети, бывают плохие дети. И они всячески поддерживают именно те силы в Мьянме, которые выступают за интеграцию в рамках АСЕАН, за укрепление самостоятельности своей страны и за удержание китайской экспансии на рубежах Мьянмы.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В МЬЯНМЕ

Г. А. ИВАШЕНЦОВ (Российский центр исследований АТЭС): Думаю, что проведение сегодняшнего совещания по Мьянме — очень важный шаг. Все последние десятилетия мы как-то Мьянму игнорировали, относились к ней как к малой стране, находящейся где-то на периферии наших интересов. Ведь даже в МИДе одно и то же подразделение занимается и Мьянмой, и Лаосом, и Камбоджей. А ведь ни Лаос, ни Камбоджу не сравнить с Мьянмой по значению и потенциалу. Когда я 10 лет назад покидал Мьянму, она по географическим и демографическим параметрам соответствовала Украине: там было 50 млн населения, территории примерно 650 тыс. км². Можно ли сказать, что Украина — это малое государство Европы? Нет. Сейчас в Мьянме 60 млн населения. Это крупное государство, способное оказывать влияние на ход международных дел.

Мы уже говорили о природных богатствах Мьянмы, о ее геостратегическом положении. Но у Мьянмы есть еще два плюса, способных вывести эту страну на авансцену АСЕАН, когда будут сняты экономические санкции. В Мьянме один из самых высоких уровней грамотности по АСЕАН. По данным ООН, он приближается к 90%, согласно внутренней статистике он — где-то на уровне 96%. И там гораздо более высокий уровень знания английского языка, чем в том же Таиланде или Вьетнаме, или даже в Индонезии. Мьянма с ее богатствами и людским потенциалом способна на резкий рывок вперед.

Позволю себе прокомментировать то, что было сказано прежде. Я очень хотел бы поддержать предыдущего выступающего о факторе Китая. Это чрезвычайно важный фактор, и мы должны постоянно этому уделять внимание. Почему произошло сближение Мьянмы и Китая в конце 1980-х гг.? Мьянманцы ведь не любят китайцев, даже не выносят их, над ними всегда нависала *китайская глыба*. Если говорить о бизнесе, то еще в колониальную эпоху китайцы были теми самыми мелкими оптовыми торговцами, которые эксплуатировали бирманцев. В общем, даже на таком бытовом уровне неприязнь есть.

Так почему же эти страны сблизились? Потому что в Мьянме произошло восстание 1988 г., а в Китае был Тяньаньмэнь в 1989 г. Обе страны оказались изгоями, и они объективно потянулись друг к другу.

Почему в 1988 г. Запад так отрицательно воспринял Мьянму — еще до выборов 1990 г. и ареста Су Чжи? Те выборы, кстати, были ошибкой военного режима, он тогда, что называется, подставился. Но сейчас вопрос в другом. В 1988 г. произошла смена поколений в армии. Генералы были сметены волной народного возмущения, потому что они довели страну до разорения: в богатейшей стране хозяйственное мыло выдавалось по карточкам. Пришли подполковники и майоры, новое поколение военных. Это были люди, настроенные патриотически, выступившие под антисоциалистическими лозунгами, потому что у Не Вина была партия бирманского социализма, бирманской социалистической программы. И этими подполковниками в 1988 г. очень заинтересовались американцы, потому что в те же годы США собирались уходить из Таиланда и с Филиппин, и им был нужен какой-то новый плацдарм в ЮВА. Они рассчитывали взять его в Мьянме, но майоры и подполковники им отказали. В ответ США начали давить на режим, эпизод же с выборами использовали уже потом как повод для последующих кампаний.

Нам важно помнить и о том, почему военный режим вообще появился в Бирме в 1962 г. Ведь с 1948 по 1958 г. Бирма была демократическим государством. Проблема была в этнических меньшинствах. Англичане, уходя из Бирмы в 1948 г., оставили этнический вопрос нерешенным. Они сказали каренам, шанам, чинам: «Подождите 10 лет, потом мы вернемся». И как раз с 1958 г. начались все эти этнические выступления и мятежи, которые в значительной степени инспирировались из-за рубежа. Вспомним истории о дивизиях гоминьдановцев, пришедших из Китая и окопавшихся на севере, в Качинской области. Тогда демократ У Ну был вынужден обратиться к Не Вину, своему министру обороны, чтобы тот помог подавить эти восстания. Не Вин подавлял 4 года, потом сказал: «Зачем таскать каштаны из огня для штатских, я лучше сам буду править».

В 1988 г. в руководстве вооруженных сил произошла смена поколений. Такая же смена происходит сейчас. Недавние выборы во многом означают ломку существовавшего прежде режима. И не так важно, кто пришел — военные или невоенные, важно то, что пришли люди нового поколения. Можно искать тут параллели с Индонезией, но почему не сослаться и на пример Южной Кореи? Там военные тоже когда-то пришли к власти, начали все экономические реформы и вывели свою страну в авангард экономического прогресса. Сейчас важно, что пришли новые люди, которые видят, как живут их соседи. И хотят сами жить примерно так же.

Мы тут упрекали руководство Мьянмы в том, что ее населению ничего не достается от экспорта углеводородов. Но ведь, помимо Казахстана и Азербайджана, есть еще одна страна, где население, социальные программы и отечественная промышленность не особенно выиграли от огромных нефтегазовых доходов. А мьянманцы, по крайней мере, строят новую столицу и дороги к ней, посылают своих молодых людей учиться за границу. Я еще скажу о мьянманских студентах, которые прошли обучение в России — они все учились на коммерческой основе, за каждого из них платили от 2 до 5 тыс. долл. в год. Других своих студентов они посылают в Японию, Австралию, Сингапур — и тоже за наличный расчет.

Хотя сам Тан Шве получил образование в сержантской школе, человек он достаточно мудрый. Посмотрите, как он продумал схему отхода армии от прямого руководства страной. На гражданское направление поставлены *старейшие и уже потому главные* в мьянманских понятиях о социальном статусе представители прежнего аппарата: президентом сделан Тейн Сейн (который был премьер-министром при Госсовете мира и развития), одним из его вице-президентов — Тиха Тура Тин Аунг Мьинт У (первый секретарь Госсовета), спикером нижней палаты парламента —

Тура Шве Ман (член Госсовета и начальник генштаба), председателем избиркома — Тин Эй (член Госсовета).

В этой структуре новые главком, министр обороны и прочие военачальники занимают формально подчиненное положение относительно теперешних формально гражданских руководителей и не должны *подминать* под себя новую структуру власти. Каково будущее самого Тан Шве и Маунг Эя? Возможно, они займут такое положение, какое было у Дэн Сяопина после официального ухода с партийно-государственных постов.

С переходом к гражданской форме правления укореняются принципы более открытой рыночной экономики. Мьянманское правительство проводит целенаправленную линию на приватизацию госпредприятий (в 2010–2011 гг. приватизировано 600 объектов, в том числе 250 АЗС по всей стране). Это большой шаг. Идет развитие малого бизнеса. В январе 2011 г. принят Закон о специальных экономических зонах.

Что все эти перемены в Мьянме означают для России? Мьянма для нас — важный перспективный партнер. История наших двусторонних отношений насчитывает пять с половиной десятилетий. И это хорошие отношения. С Мьянмой у нас никогда не было никаких конфликтов и споров. И последние 20 лет наша страна сохраняет за собой статус фактически второго после Китая внешнеполитического партнера Мьянмы.

Я приехал в Янгон в качестве посла России в 1997 г., и мне было непросто начинать там работу, потому что у нас в некоторых структурах еще бытовало мнение: там, мол, права человека нарушаются, не стоит там особую активность проявлять. Я с западными коллегами разговаривал на темы прав человека в Мьянме. Воздерживались ли западные партнеры от какого-либо развития отношений с этой страной? Да, внешне вроде бы воздерживались, но разработку газовых месторождений в Мьянме начинала *Тоталь*, и газопровод в Таиланд строил *Юнокал*, и в этом строительстве участвовал *Халлибёртон* — та самая фирма, в которой сидел будущий вице-президент Чейни. Прекрасно они там работали.

В 1999 г., когда мы продали Мьянме *МИГи* и пошли разговоры о возможном нашем участии в строительстве атомного исследовательского центра, ко мне является французский посол, с которым мы были в отличных отношениях, и говорит: «Как-то нехорошо получается, они ведь вам будут платить за все за это». Я говорю: «Естественно, мы никаких кредитов не даем». «Да, но ведь ты понимаешь, у них-то доходы от газа, а газ добывает *Тоталь*, и у французского общественного мнения могут быть вопросы». «Ну конечно, если бы правительство Мьянмы купило не *МИГи*, а *Миражи*, и переговоры об этом атомном реакторе вел не *Росатом*, а *Франатом*, то у французского общественного мнения вопросов бы не было».

Были там и немцы, и итальянцы. Про японцев и южнокорейцев, которые там все время были, есть и активно действуют, уже молчу. О многом говорят и штаты западных посольств. Мы — второй после Китая партнер Мьянмы, но по численности дипломатического персонала были отнюдь не среди первых, а на шестом или седьмом месте. Больше всего людей с диппаспортами было в посольстве США — 46 человек в 1997 г., а у нас всего 10. Причем в посольстве США не было посла, у них сидел временный поверенный. В английском посольстве было иначе: там было 5 дипломатов, но рядом с ними сидели 36 мьянманцев. Они работали по 20 с лишним лет и вели все то, что в МИДе называется информационно-справочной работой — писали обзоры печати, занимались аналитикой и т. п.

Теперь по поводу нарушений прав человека и, в частности, заключенных под стражу. Эта тема возникала в разговорах с французским послом, с американским поверенным. Население страны — 51 млн человек, сколько народу сидит в лагерях и тюрьмах, сколько среди них уголовников и сколько политических? Тогда говорили, что политических не более 800 на 51 млн населения. Всего же сидела 51 тыс.

человек, т.е. 0,1% всех жителей. Я спрашивал, каков удельный вес заключенных в США от всего населения. Слышал в ответ, что у них содержится в тюрьмах более 1,5% населения страны. Значит ли это, что там тоже права человека нарушаются? Не исключено, если сидит столько народу.

Все это очень не однозначно. На темы всех этих нарушений со стороны вооруженных сил в районах, населенных меньшинствами, вещал некий *Демократический голос Бирмы*, вещал из Норвегии. Потом все это перепечатывалось в Таиланде, в газете *Бангкок Пост*, а дальше широко распространялось по миру агентством *Reuters*, *Голосом Америки* и т.д.

Что касается наших отношений с Мьянмой, то сейчас основной, наиболее развитой сферой сотрудничества является ВТС. С 1999 г. в Мьянму поставляются российские самолеты, в том числе *МИГ-29*, вертолеты, другая боевая техника. Цифры я не могу называть, но это хорошие контракты для российской самолетостроительной корпорации *МИГ*. И наши самолеты имеют там хорошую репутацию. Вся эта техника поставляется за наличный расчет, не в кредит. Конкретные деньги поступают конкретным предприятиям, позволяя нам поддерживать собственное производство.

Но есть еще более важный факт, на который я хотел бы обратить внимание. С 1999 г. мы начали принимать в России мьянманских студентов. В Мьянме очень интересная ситуация с высшим образованием. Там в свое время еще Н.С. Хрущев заложил Янгонский политехнический институт, сделали его на базе МГТУ. Но борьба за права человека постоянно создавала там проблемы, он по полгода и больше простаивал. Тогда военные создали сеть чего-то вроде военных техникумов. Молодых людей, принявших присягу, направляют на 3 года в техникумы, где они получают базовое образование. Потом их направляют на учебу за границу, причем побег для них — не вариант, ибо отвечать за это им придется как военнослужащим.

И вот более тысячи таких ребят прибыло к нам. Был один год, когда мьянманских студентов у нас было больше, чем вьетнамских. Причем учились они не в Университете дружбы народов на экономическом факультете. Они учились в МИФИ, МЭИ, МАИ, Горном институте, Институте стали и сплавов, МГТУ. Фактически за последние 10 лет мы внесли заметный вклад в воспитание нового поколения мьянманской научно-технической интеллигенции, хорошо знакомого с российскими технологическими и научными стандартами и, что очень важно, владеющего русским языком. Местные инженеры, выпускники престижнейших российских вузов, владеющие русским языком, — чем не опора в деле нашего дальнейшего продвижения в Мьянму?

К сожалению, в сфере торгово-экономического сотрудничества дела обстоят не лучшим образом. Объем двусторонней торговли за 2010 г. (без учета специмущества) едва превысил 50 млн долл.

Главное достижение последнего времени — подписание в декабре 2010 г. рамочного соглашения о сооружении силами московских метростроителей первой очереди метрополитена в Нейпидо и контракта на оказание технического содействия при проведении геологоразведочных работ. Сейчас все зависит от того, как поведет себя российская сторона. Руководство Метростроя сменилось, заниматься этим вопросом будут новые люди, но вопрос интересный. Ведь это — реальные деньги и реальная работа.

Интерес к мьянманскому рынку проявляют такие компании, как ЗАО НК *Группа компаний Нобель Ойл*, ООО *Ви Холдинг*, ЗАО *ВК КАМАЗ*, ГП *ВО Челябинский тракторный завод*. Но пока, кроме *Нобеля*, ни одна структура не может похвастаться заметными практическими достижениями.

В октябре 2010 г. от мьянманцев был получен большой список приоритетных проектов для российских инвесторов. Однако подходы российских госструктур пока не внушают особого оптимизма.

Особенно бледно выглядит российский бизнес в Мьянме на фоне активности китайских, тайландских, индийских предпринимателей. Те не ждут особых приглашений, а сами изучают возможности и потребности местного рынка, включаются в реализацию масштабных проектов, будь то гидроэнергетика, инфраструктура или добыча углеводородов и других полезных ископаемых. Да и западные компании, несмотря на действующие в отношении Мьянмы санкции, самым внимательным образом следят за положением на ее рынке, готовясь *ринуться* туда в случае самых незначительных послаблений.

Есть в наших двусторонних отношениях и неприятные моменты. Уже 4 года буксует запуск чугуноплавильного комбината сооружаемого силами ГП ВО *Тяжпром-экспорт* в Шанской национальной области. Не выполняют свои обязательства некоторые другие российские подрядчики. Это негативно сказывается на общем впечатлении о наших возможностях.

Не развивается договорно-правовая база. Все еще не подписаны такие документы, как межправительственное соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях (что было бы для нас крайне важно), межправительственный меморандум о взаимопонимании относительно сотрудничества в борьбе с терроризмом. То же касается целого ряда документов экономической направленности, имеющих отношение к инвестиционному сотрудничеству, проблеме двойного налогообложения и т. д.

Недавняя смена режима должна послужить для нас, правительственных органов, поводом для каких-то жестов в сторону Мьянмы. Нужно работать над визитами. В 2000 г. к нам приезжал министр иностранных дел Мьянмы, с тех пор подобных визитов не было. С нашей стороны туда вообще никто не ездил на уровне министра. Поскольку сейчас у них появился парламент, было бы очень важно направить в Мьянму делегацию Государственной Думы. По итогам визита парламентарии России могли бы напомнить нашим экономическим министерствам и ведомствам об основных задачах сотрудничества с Мьянмой.

А. М. КУДРЯШОВ: После эмоционального и содержательного выступления Глеба Александровича говорить нелегко. Ведь уже обозначены основные проблемы и вехи нашего сотрудничества. Так или иначе, постараюсь напомнить о некоторых моментах и обозначить проблемы, которые есть в двусторонних отношениях.

Напомню, что дипотношения у нас были установлены в феврале 1948 г. В нынешнем году отмечается 60-я годовщина обмена посольствами (он состоялся через три года после установления дипотношений). По этому случаю нами запланирован ряд мероприятий, на что МИД Мьянмы живо откликнулся.

Пожалуй, за исключением 1950–1960-х гг., наши двусторонние контакты не были особенно активны. Оживление началось с середины 1990-х гг. Развитию связей помогает наработанная договорно-правовая база. Говорилось о том, что она совершенствуется и пополняется не так быстро, как хотелось бы. Хочу заверить, что работа в этом направлении идет. Соглашения, которые сейчас в проработке, безусловно, будут подписаны в ближайшее время.

Существуют механизмы, направленные на развитие отдельных сегментов нашего взаимодействия. Прежде всего есть практика консультаций между МИДами наших стран на уровне заместителей министров. Раунды таких переговоров проводятся практически ежегодно. В прошлом году такой раунд по объективным причинам был пропущен, в этом году пятый раунд должен состояться в Нейпидо.

Существует также механизм российско-мьянманской комиссии по военно-техническому сотрудничеству. Он показал свою эффективность, и работа в этом

формате будет продолжена. Как мы уже слышали, тематика ВТС является центральной в нашем взаимодействии.

Характерная особенность российско-мьянманских отношений — то, что они лишены каких-либо противоречий, застарелых проблем, конфликтности. Это выгодно отличает Мьянму от других стран региона. Скажем, с теми же Лаосом, Камбоджой у нас есть долговые проблемы. Есть они и с Таиландом (с поправкой на то, что тут уже мы должны вернуть Таиланду так называемый *рисовый долг*).

Мьянманское руководство всегда ответственно относилось к своим внешним платежам, всегда исполняло свои контрактные обязательства, независимо от размеров контрактов.

В частности, заметным событием был приезд в Москву в 2006 г. вице-старшего генерала Маунг Эя. Он обсуждал здесь довольно много вопросов, ознакомился с нашими достижениями. После этого, кстати, и был запущен вопрос о метрополитене, к которому я вернусь попозже.

Сегодня, как и прежде, развитию наших отношений способствует совпадение или близость подходов Москвы и Нейпидо к основным проблемам современного мира. Руководство Мьянмы рассматривает Россию как близкого и надежного партнера, ратует за расширение участия нашей страны в делах АТР и укрепления ее позиций на международной арене в целом.

Одна из причин, по которой Запад не прекращает давления на Мьянму — возможность получения из России высокотехнологичной продукции и услуг для нужд обороноспособности и модернизации экономики страны. В Нейпидо по достоинству оценивают наш непредвзятый, последовательный подход к мьянманскому вопросу, что по большому счету является для Мьянмы важной гарантией внешнеполитической самостоятельности. Аида Алексеевна уже привела пример того, как Россия воспользовалась в свое время правом вето в Совете Безопасности ООН. Такой настрой партнеров является немаловажным подспорьем для российской дипломатии не только в самой Мьянме, но и в регионе в целом, позволяет рассматривать это государство как одну из опорных площадок нашей работы в Юго-Восточной Азии.

Вступление России в *АСЕМ* и *ВАС* открывает новые возможности для углубления контактов с Мьянмой, для разработки совместных инициатив. В то же время с Мьянмой как координатором российско-асеановского диалога будет идти работа по реализации договоренностей, достигнутых во время недавнего второго саммита Россия–АСЕАН. Будем обсуждать и мероприятия текущего года, связанные с 15-летием нашего диалогового партнерства с Ассоциацией.

Нынешний год обещает быть урожайным на политические события в Мьянме и вокруг нее. Стране предстоит системное обновление модели политического и государственного устройства. Будем изучать характер этих перемен, принимая во внимание наши национальные интересы, будем выявлять моменты, которые могут негативно сказаться на двусторонних отношениях.

Касаясь внутривнутриполитической ситуации, отмечу, что в Мьянме все-таки имеется некий проблемный потенциал, прежде всего в сфере межнациональных отношений. Еще одна актуальная тема — выстраивание конструктивного диалога между Нейпидо и внутривнутриполитической оппозицией. В связи с этим не могу не упомянуть о встрече нашего посла с Су Чжи, состоявшейся в конце прошлого года. Беседа показала, что у лидера оппозиции нет какого-то целостного представления о путях развития мьянманского общества. Более того, Су Чжи не видит у России какой-либо роли ни в регионе, ни применительно к Мьянме. Это, конечно, вызывает у нас сожаление. Разумеется, наши контакты с оппозицией были взяты на заметку. Но приняты к сведению и наши разъяснения о том, что российская дипломатия работает и встречается с *легальной* оппозицией.

Не исключаю, что по ходу начавшихся перемен в Мьянме могут возникнуть новые точки напряженности — например, между представителями гражданской и военной администрации на местах. Дело в том, что раньше командующий военным округом был одновременно и высшим носителем исполнительной власти в пределах соответствующей территории. Теперь в его ведении — лишь собственно армейские дела, исполнительная власть на местах переходит к главным министрам. Здесь возможны какие-то коллизии, ибо взаимная притирка гражданских и военных руководителей потребует времени.

Понятно, что лидеры, уходящие за кулисы политической жизни (прежде всего Тан Шве и Маунг Эй) заинтересованы в сохранении какого-то статуса и каких-то своих предпочтений. В то же время и восходящие звезды — такие как Тура Шве Ман и другие, кто сейчас рассаживается на ключевые места, — будут заботиться о своих интересах. Полностью обновилось руководство главных управлений, министерств. Министерство обороны — по-прежнему ключевое, в том числе и с точки зрения хозяйственной жизни страны. Будем за этими моментами внимательно наблюдать.

Должен сказать, что, несмотря на отсутствие прямого общения между нашими лидерами, отличительная черта российско-мьянманских отношений — высокий уровень взаимного доверия между первыми лицами государств и доведение всей нужной информации до них по имеющимся дипломатическим каналам. Был случай, и не так давно, когда у руководства Мьянмы появилась мысль наладить отношения с Северной Кореей в обход известной Резолюции № 1874 (2009) Совета Безопасности ООН от 12 июня 2009 г. И именно наши усилия, наши грамотные и корректные разъяснения предотвратили ситуацию, в которой отношение международного сообщества к Мьянме могло бы поменяться кардинальным образом.

Теперь об основных направлениях двустороннего сотрудничества. Наиболее успешным и продвинутым направлением, действительно, является ВТС. Последние два-три года ознаменовались прорывами в этой сфере, масштабными договоренностями по стоимостным объемам и номенклатуре военной продукции для Мьянмы.

Обмены в торгово-экономической области имеют в целом устойчивую динамику, но явно отстают от уровня политического взаимодействия. Преимущества, связанные с особым характером отношений, используются далеко не в полной мере. Ведь руководство Мьянмы не раз высказывалось за предоставление, при определенных условиях, предпочтений компаниям России на мьянманском рынке. К сожалению, этот аванс пока не превратился в нечто большее. По данным Федеральной таможенной службы, двусторонний товарооборот в 2010 г. составил порядка 114 млн долл. На российский экспорт пришлось 99,4 млн долл., на импорт — 14,5 млн долл.

Безусловно, Россия заинтересована в реализации масштабных проектов в Мьянме. Возможно, тот перечень компаний и проектов, который приводил Глеб Александрович, не во всем отвечает представлениям наших профильных министерств об оптимальных путях развития сотрудничества. Отсюда и их достаточно прохладный подход к некоторым предложениям. Но так или иначе работа не прекращается. В частности, *Тяжпромэкспорт* продолжает строить чугуно-плавильный комбинат — предприятие, которое составит основу металлургической отрасли в Мьянме.

Большая тема для дальнейшей совместной разработки — участие *Метростроя* в сооружении метрополитена для новой столицы Мьянмы. В случае реализации это будет высокотехнологичный, многомиллиардный, по-настоящему крупный инвестиционный проект.

Возможно, нам следует плотнее заняться конвертацией положительного опыта, накопленного в сфере ВТС, его распространением на другие области торгово-экономических отношений. Это — тема возможной экспертной дискуссии между профильными министерствами.

Несколько слов о сотрудничестве в области образования, науки, информации и технологии. Общее число мьянманских студентов, обучающихся сейчас в России, превышает 3000 человек, и руководство Мьянмы высоко оценивает качество их подготовки. Готовим соглашение о межвузовском обмене между ИСАА и Янгонским университетом иностранных языков, выходим на договоренности об обмене преподавателями-филологами. Идет работа по линии *Россотрудничества*, связанная с обучением русскому языку.

На обозримую перспективу российский вектор останется для мьянманской дипломатии одним из приоритетных. Такой настрой полностью соответствует ожиданиям России, ее экономическим и политическим интересам. С нашей стороны нужен инициативный, комплексный подход к развитию отношений. Надеюсь, его контуры отчасти намечены по ходу сегодняшней дискуссии.

Д. А. МАЛОВ (Общество дружбы с Республикой Союз Мьянма): Я являюсь вице-президентом Общества дружбы с Республикой Союз Мьянма. Развивать тему экономических отношений с этой страной после всего, что говорили до меня, достаточно сложно. Тем не менее, оглядываясь назад, можно вспомнить, что еще при Николае II ювелирные мастерские России получали из Бирмы немало драгоценных камней. Одна из богатейших коллекций изделий Фаберже собрана в геологическом музее в Янгоне. Я ее видел и был приятно удивлен.

В 1960-х гг. Бирма получала от нас экономическую помощь, причем немалую, сопоставимую по объемам с той, которую до 1965 г. получала Индонезия. И, несмотря на то что позже эти связи ослабли, расплатилась с нами сполна.

Ближе к середине 1990-х гг. снова обозначилась взаимная заинтересованность. Характерным образом, первые контракты касались гражданской техники, в частности вертолетов *МИ-8*, широко использовавшихся в 2007 г. в борьбе с последствиями тайфуна Нার্গিস.

После того как на Мьянму обрушилось это бедствие, туда прибыла наша делегация, обсудившая вопросы оказания помощи. Мы предложили достаточно существенные кредиты, предложили помочь путем передачи полевых госпиталей. Очень активное и быстрое содействие было оказано по линии МЧС. Это произвело надлежащее впечатление на руководителей страны, в том числе на старшего генерала Тан Шве, придало новый импульс двустороннему сотрудничеству, позволило подготовить два важных контракта, предусматривающих новые поставки вертолетов и другой техники.

В 1960-е гг. мы подготовили в СССР порядка 15000 студентов из Бирмы, и это сказалось на отношениях с ней самым положительным образом. Сегодня история в каком-то смысле повторяется. Растущая численность мьянманцев, знающих русский язык и положительно воспринимающих Россию, позволила в прошлом году сформировать наряду с Обществом дружбы Россия–Мьянма аналогичное мьянманско-российское общество. Думаю, это положительным образом скажется на деловом сотрудничестве, приведет к росту числа совместных предприятий, работающих в каждой из наших стран.

Среди крупных проблем, осложняющих его, — практическое отсутствие банковской системы в Мьянме. Процесс ее формирования идет наплывами: ее элементы то возникают, то исчезают, то возникают опять. Тот факт, что недавно возобновилась деятельность ряда коммерческих банков, причем разрешена работа двух иностранных банков, из Сингапура и Вьетнама, позволяет ожидать, что движение

финансовых потоков, обеспечивающих торгово-экономическую деятельность, ускорится.

В целом и наш частный бизнес, и государственные структуры имеют достаточно возможностей для ведения дел в Мьянме. Но соответствующие ниши необходимо занимать, пока этого не сделали китайцы, работающие в этой стране исключительно активно.

А. Е. КИРИЧЕНКО: Благодарю за информацию о том, как Россия себя видит в Мьянме и какие перспективы есть у нас там. Однако те достижения, которые у нас есть, — не повод почитать на лаврах. Да, в сфере ВТС все относительно надежно. Что же касается лояльной нам прослойки научно-технической интеллигенции, посмотрите, сколько выпускников китайских вузов преподают различные дисциплины в технологических университетах Мьянмы и сколько там преподавателей из числа наших выпускников. Соотношение, грубо говоря, 10:1. Процент людей, которые, вернувшись в Мьянму из России, работают по специальности, тоже не так высок, как хотелось бы. Ведь многие возвращаются в армию на строевые должности или вообще увольняются из вооруженных сил.

Некоторые получают образование по тем специальностям, которым в Мьянме просто нет сейчас применения. Возможно, лет через 10 ситуация изменится, но и полученные знания будут ей уже не совсем адекватны.

И еще одинстораживающий момент. Я слышал, что руководство Мьянмы считает: тот задел, который уже имеется в виде группы специалистов, получивших образование в России, вполне достаточен, и теперь можно их силами готовить специалистов уже внутри страны.

Если Россия действительно стремится развивать отношения с Мьянмой, нужно в каких-то случаях буквально лезть из кожи вон, чтобы даже те достижения, которые кажутся безусловными, действительно на нас работали.

В. А. ОРЛОВ: Я для себя сделал несколько пометок. Мне кажется, был очень интересный комментарий Д. В. Мосякова относительно роли Китая в Мьянме и ЮВА. Действительно, поездки по Мьянме показывают: с одной стороны, без тесных отношений с Китаем мьянманцам нельзя, с другой стороны, он вызывает у них серьезные опасения. Именно поэтому в лице России там хотели бы видеть какой-то противовес нарастающему китайскому влиянию. Нам действительно нужны масштабные проекты в Мьянме, нам нужна инициативность в реализации тех возможностей, которые, казалось бы, есть. Думаю, просматривается, как минимум, три частично пересекающихся направления нашей активности: гуманитарное, экономическое и стратегическое.

Конечно, было бы интересно узнать, что делает в Мьянме *Россотрудничество*. Думаю, что Фонд *Русский мир* уже принимает меры к открытию в Мьянме либо своего представительства, либо, как минимум, кабинета русского языка. Со своей стороны ПИР-Центр готов содействовать этим важным начинаниям и восстановлению наших гуманитарных позиций в Мьянме. Имеют же свое культурно-гуманитарное представительство в Мьянме и французы, и англичане, и даже американцы. Конечно, в этом плане обмен студентами — важнейшее и стабилизирующее подспорье.

Что касается наших стратегических взаимоотношений, то, исходя из возрастающего геополитического и инфраструктурного значения Мьянмы, их надо активно продвигать и закреплять — естественно, не в пику Китаю или Индии, а в собственных, долгосрочных интересах России. Бизнес и политика должны идти тут рука об руку. Иначе новое мьянманское руководство, принявшее эстафету от уходящего поколения генералов, предпочтет иметь дело не с нами, а с французами и итальянцами, японцами и южнокорейцами, а там, глядишь, и с американцами.

В. В. СУМСКИЙ: Сегодня не раз упоминалось, что в отношении Мьянмы бытует множество стереотипов. Фактически в отношении Мьянмы в последние 15–20 лет ведется настоящая *информационная война*, и то, что формируется ее методами, есть нечто большее, чем просто стереотипы. К счастью, наша дискуссия не отмечена печатью пропагандистских штампов.

Среди тем, к которым хотелось бы еще раз вернуться — тема отношений Мьянмы с партнерами по АСЕАН. Оттолкнусь от того, что рассказал нам В. Ф. Урляпов о роли Махатхира Мохамеда в налаживании отношений между Мьянмой и Ассоциацией — тем более, что д-р Махатхир недавно побывал в МГИМО и выступил здесь с лекцией. Про Мьянму ничего не говорил, но оставил на память книгу, которая содержит «выбранные места из переписки с друзьями», такими как Джордж Буш-младший, Энтони Блэр, Жак Ширак и некоторыми другими.

Там, в частности, приведены письма, посвященные Мьянме, которыми в начале 2000-х гг. обменялись Блэр и Махатхир. Британский премьер мягко, но настойчиво убеждал адресата употребить свой политический престиж для того, чтобы подтолкнуть процесс демократизации в Мьянме, обещал благоприятную реакцию со стороны ЕС, вплоть до инвестиций, и пр. Малайзийский коллега отвечал на это, что демократия — замечательная вещь, но ее поспешное введение чревато пагубными последствиями. При этом он ссылаясь на Индонезию (которую сегодня не раз сопоставляли с Мьянмой), напоминая, что быстрая демократизация, связанная с крушением режима Сухарто, обернулась нищетой для 40 млн человек, а масса других людей жестоко пострадала от вспыхнувших на этом фоне этнических конфликтов. «Способствовать тому, что в Мьянме повторится нечто подобное, я не хочу и не буду», — подчеркивал премьер Малайзии. Любопытно соотнести эти публикации с тем, что говорил Вячеслав Федорович. Получается, что Махатхир, с одной стороны, поощрял мьянманцев активнее реагировать на призывы, раздававшиеся с Запада, а с другой — в разговорах с Западом защищал Мьянму от жесткого внешнего давления.

У пятерки основателей АСЕАН была и остается масса *задних мыслей* о том, как держать себя с Мьянмой, чтобы Запад не особенно наседали на них самих. Но речи о том, чтобы всецело встать на сторону Запада в мьянманском вопросе, присоединиться к санкциям, вплотную заняться тем, что было бы вмешательством в чужие внутренние дела, все-таки не было никогда. Почему? Мне кажется, по той простой причине, которую, в сущности, обозначил д-р Махатхир: АСЕАН совершенно ни к чему тот очаг нестабильности, который возник бы в Мьянме в случае ее *обвальной демократизации*. Нельзя же забывать об этнической пестроте этого государства, об опыте повстанческих и противоповстанческих действий, который там накоплен, о том, что все этнические меньшинства носят оружие, как и о больших традициях в области производства наркотиков и наркоторговли. Стоит всему этому вырваться на поверхность политической жизни под воздействием *демократизации* — и мало не покажется никому, особенно соседям.

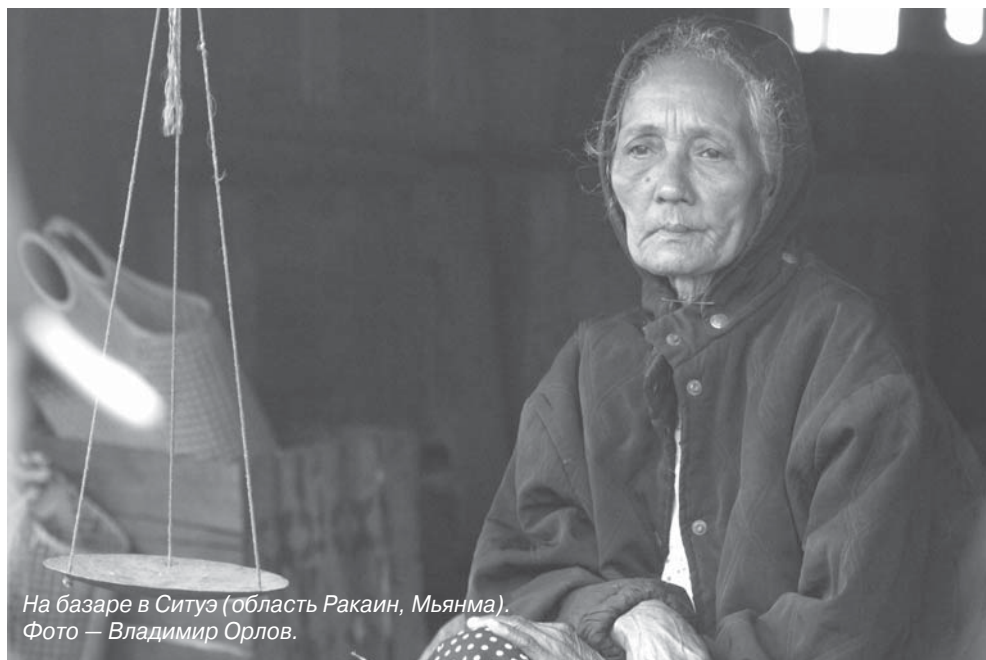
Отреагирую на реплику о том, что город Нейпидо построен будто бы для удовлетворения патриотических чувств военной элиты. Мне кажется, что новую столицу Мьянмы начали сооружать во многом под впечатлением от того, что приключилось чуть раньше в Ираке. Все-таки прибрежный Янгон было бы, в случае чего, весьма сподручно обстреливать с моря *Томагавками*. Теперь, когда столицу переместили на 320 км к северу, в край лесов и гор, достать до узловых органов государственного управления будет труднее.

Думаю, мнение о том, что Мьянма должна быть стабильной, управляемой и развиваться по возможности динамично, разделяет не только АСЕАН, но и Индия. Ведь индийский северо-восток граничит с теми самыми национальными окраинами Мьянмы, с которых в Индию может много чего перекинуться, если Мьянма не будет стабильной, управляемой и развивающейся.

Как и другие участники дискуссии, я с интересом выслушал выступление Д. В. Мосякова, но не вполне соглашусь с довольно односторонней презентацией интересов Китая, которая в нем дана. Нужна ли Китаю марионеточная и, следовательно, слабая Мьянма? По моему, китайцы достаточно мудры для того, чтобы понимать: марионетки устойчивыми не бывают, и в долгосрочном плане служить опорой не могут. Да и потом, у самого Китая есть серьезная проблема, с которой прямо связана заинтересованность в Мьянме. Ведь нынешняя КНР — страна региональных дисбалансов. Ее социально-экономическое развитие зашло гораздо дальше в прибрежных юго-восточных районах, чем на юго-западной окраине, не имеющей выхода к морю. И соседняя Мьянма, имеющая такие выходы, нужна для того, чтобы разомкнуть китайский юго-запад в торгово-экономическом отношении. Лично я не вижу в этих мотивах ничего злонамеренного или нелегитимного.

Переходя к вопросу о стратегических интересах США применительно к Мьянме, хочется спросить: не представляется ли некоторой натяжкой тезис о том, что одна из беднейших стран мира угрожает Америке? Зачем американцам это? Один из ключей к ответу дает само клише *форпост тирании*. Форпост — это ведь малое укрепление, вынесенное на подступы к главной крепости. Какую же *главную крепость* прикрывает *форпост* под названием Мьянма? Понятно, что это — Китай (точно так же, как ясно, кого прикрывает Белоруссия, объявленная *форпостом тирании* одновременно с Мьянмой).

Понятно, что в перечне мотивов, по которым Мьянме уделяется столь много внимания, играют не последнюю роль и ее углеводородные богатства, и многократно упомянутое ключевое геостратегическое положение. Создайте в Мьянме площадку для того, что американцы называют *проецированием силы*, и проецируйте ее после этого, хоть в Китай, хоть в Индию, хоть в остальную ЮВА, когда и если это потребуется. Не это ли на самом деле нужно Америке? Впрочем, с приходом к власти администрации Обамы и там начинают понимать, что добиваться этой цели можно по-разному.

На базаре в Ситуэ (область Ракаин, Мьянма).
Фото — Владимир Орлов.

Среди материалов, прошедших по Интернету и по печати после последних выборов в Мьянме, мое внимание привлекло выступление Стенли Вейса (Stanley Weiss), руководителя организации *Business Executives for National Security*. Этот человек уже не раз проявлял себя как участник той информационной войны против Мьянмы, которую ведут США. Тем любопытнее, что именно он теперь заявляет: недавние выборы не были абсолютным пусканием пыли в глаза мировому сообществу. Вейсс смотрит на состав новой партии власти и замечает в ней большую группу людей, которые продвигают наверх именно потому, что это люди с потенциалом, люди, на которых можно реально опереться. Есть в его выступлении и другие интересные моменты. Возможно, кто-то в администрации Обамы или поблизости от нее осознал: линия на кооптацию Су Чжи во власть и, тем более, на создание нового правительства под ее руководством перспективы не имеет, ведет в тупик.

Однако до принципиально новой политики в отношении Мьянмы еще далеко. Во время недавнего визита в Нейпидо заместителя госсекретаря США Курта Кэмпбелла разговор, судя по всему, шел примерно такой: «Если вы сделаете то-то и то-то, то мы подумаем, не отменить ли санкции». И очень подчеркивалось, что американский поиск новых подходов к Мьянме ведется в рамках прежнего курса, курса санкций.

В обозримой перспективе ситуация вокруг Мьянмы будет определяться общим состоянием американо-китайских отношений. Если градус соперничества в этих отношениях будет повышаться, ждите новых осложнений на мьянманском направлении. Если нет, то ситуация вокруг Мьянмы будет более или менее такой, какой мы ее знаем сейчас.

Что касается российских интересов, то предложил бы исходить из того, что АСЕАН становится для нас ключевым международным партнером, а стабилизация Мьянмы — важное условие укрепления АСЕАН. Используя те ресурсы и возможности, которые у нас есть, дабы помочь этой стране в поисках оптимального для нее пути развития, мы сделали бы важное долгосрочное вложение в укрепление собственных позиций в ЮВА и Восточной Азии в целом. 🇷🇺

Примечания

¹ Редакция выражает благодарность Л. В. Когошвили и Ю. А. Крячкиной за расшифровку и подготовку текста, а также В. В. Сумскому за конечную обработку.